

ОБРАЗ ОБЫДЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ АБИТУРИЕНТОВ В ВЫПУСКНЫХ СОЧИНЕНИЯХ 1908 ГОДА

А. И. Еремин

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Поступила в редакцию 28 марта 2018 г.

Аннотация: в статье на основе ранее неизвестных архивных документов рассматривается проблема использования локально ограниченной группы школьных сочинений для реконструкции образа обыденного исторического мышления. Основное внимание уделено источниковедческому изучению сочинений, выполненных абитуриентами Орловской мужской гимназии на испытаниях зрелости 1908 г. Делается вывод, что изучение комплекса сочинений в конкретной среде их бытования расширяет возможности применения историографической практики новой локальной истории для реконструкции образа обыденного исторического мышления.

Ключевые слова: абитуриенты, испытания зрелости, делопроизводственные материалы, сочинение, источниковедение, новая локальная история, обыденное историческое мышление.

Abstract: on the basis of previously unknown archive documents the article addresses the problem of using a locally limited group of school essays for the reconstruction of ordinary historical consciousness is considered. The article presents analysis of to the source study of school essays performed by the gymnasium students Orel Boys' Gymnasium in 1908 during final exams («maturity tests») in 1908. It is concluded that the study of a complex of school essays in a particular environment of their existence expands the possibilities of applying the historiographic practice of a new local history for the reconstruction of the ordinary historical thinking.

Key words: gymnasium students, tests of maturity, records of work, school essay, source study, new local history, ordinary historical thinking.

В последние годы под влиянием программы «новой культурно-интеллектуальной истории» историки обращаются к «проблематике, охватывающей аспекты культуры в ее антропологическом понимании, категорию сознания, мифы, символы, языки, в которых люди осмысливают свою жизнь» [1, с. 7] и к новым историческим источникам, позволяющим вести ее полноценное изучение. С. И. Маловичко более десяти лет использует сочинения по истории, выполненные гимназистами середины XIX в., «с целью проследить на индивидуальном примере поведения общественного исторического сознания, конструирующего прошлое» [2; 3, с. 398]. Опираясь на идеи М. М. Бахтина о диалоге в гуманитарном исследовании объекта познания (личность автора) и познающего субъекта, он предложил методологический инструментарий, позволяющий рассматривать отдельные компоненты текста в контексте общественного исторического сознания. Маловичко находит источники заимствования; выясняет круг источников, которыми пользовался и/или не пользовался автор; модель отношения автора к истории, авторитетным историкам, к читателю. В итоге констатирует в «дискурсивном поведении» автора сочетание проявлений иррационального, спекулятивного и научного мышления [3, с. 414–415], т. е. именно такое переплетение

совокупности интеллектуальных операций, направленных на конструирование субъектом исторической реальности, которое называют *обыденный стиль исторического мышления* [4, с. 312–313]. Работы Маловичко важны тем, что в них предложена методика перехода от изучения исторических воззрений к изучению интеллектуальных операций, которые осуществляли их носители, в русле выработки парадигмы когнитивной истории как науки о мышлении [5, с. 24].

Приблизительно в то же время А. А. Сальникова и И. В. Нарский [6; 7] выявили информационные возможности письменных работ учеников разных классов нескольких русских школ в эмиграции, выполненных в 1924 г., для изучения мировоззрения учащихся. Эти исследователи показали существенные информационные возможности школьных работ, вместе с тем, отметили, что в серийных школьных текстах распространены (не)желание и/или (не)умение учеников излагать мысли, списывание и фантазирование.

Таким образом, историки реактуализировали школьные тексты в качестве источника изучения общественного исторического сознания и мировоззрения. Но они использовали письменные работы, предназначавшиеся для опубликования. К тому же тексты ставропольских гимназистов скорее были рефератами, а работы детей эмигрантов – воспоми-

нениями на заданную тему, чем школьными сочинениями.

В связи с недостаточной обеспеченностью источниками антропологически ориентированных исследований важно понять информационные и интерпретационные возможности школьных сочинений в условиях их возникновения и бытования в повседневной жизни учебных заведений. Особый интерес представляют выпускные сочинения, выполненные абитуриентами.

В России конца XIX – начала XX в. абитуриентами называли в повседневной жизни гимназистов VIII класса, а на официальном языке всех подвергавшихся испытаниям зрелости [8, § 67]. Контингент абитуриентов составляли воспитанники гимназии и державшие испытания зрелости «посторонние лица» или экстерны. От перехода в студенты университетов абитуриентов гимназий отделяли только испытания зрелости, которые, согласно Правилам об испытаниях, должны были «удостоверить в достаточном умственном развитии [абитуриента] для дальнейшего научного образования» [там же, § 44]. Экзаменаторам предписывалось руководствоваться «общим правилом, что испытание зрелости не есть испытание в памяти, а в том, развита ли в молодом человеке способность соответствующего его возрасту мышления, имеет ли он ясный, верно действующий ум, правильное и здоровое суждение» [там же, § 75]. Высокая планка требований, установленная для абитуриентов Правилами об испытаниях, легко преодолевалась достаточностью удовлетворительных оценок для получения аттестата. К тому же определенных критериев для констатации зрелости мышления не было. Тем не менее представляется актуальным выявить в сочинениях следы интеллектуальных практик абитуриентов.

Темы сочинений в гимназии до 1905 г. присылали из канцелярии учебного округа, после тему выбирал директор гимназии из числа представленных учителями. По завершении испытаний зрелости сочинения направлялись на рецензирование ведущим преподавателям словесности и приват-доцентам за счет средств гимназии. От абитуриентов требовались грамотность, ясность и правильность языка, логичность планов. Результаты рецензирования публиковались в ведомственной печати и влияли на репутацию учителей, поэтому они оказывали возможное содействие ученикам вплоть до того, что тема сочинения становилась известной ученикам раньше экзамена. Абитуриенты удачнее писали сочинения на «литературные темы», чем на «исторические». Считалось, что в гимназиях изучение истории поставлено хуже в сравнении с русской словесностью, а исторические темы удваивали сложность, производя испытание не только по русскому языку, но и по

истории. В Московском учебном округе чаще давали исторические темы для русского сочинения [9].

Еще труднее для абитуриентов были так называемые отвлеченные темы. «Чтобы удовлетворительно написать на отвлеченную тему, – писал “Журнал Министерства народного просвещения” в 1908 г., – нужна большая предварительная подготовка, нужно выработать умение излагать последовательно свои мысли, не имея, так сказать, готового материала» [10, с. 89–90]. Попытки разнообразить темы столкнулись с тем, что сами сочинения стали однообразными: план, цельные выражения, главные мысли, «оказалось, что за всех учеников написал сочинение г. [В. Ф.] Саводник в своей книге “Русская литература XIX века”» [там же, с. 92–93].

Исследователям исторической культуры «главными критериями отбора “текста” для изучения служат его сосредоточенность на информации о прошлом, объем и значение этой информации в данном “тексте”» [11]. Обыденное историческое мышление абитуриентов предпочтительнее изучать по сочинениям на отвлеченную тему потому, что в сочинениях на конкретную тему учащимся было проще приспособиться к требованиям оценивания, использовать стереотипные примеры, списать. Тогда как отвлеченные темы сохраняли возможность интриги, использования неожиданных образов или произведений, выходящих за рамки программы. К тому же испытания зрелости являлись важным событием в жизни абитуриентов и губернского общества. Для молодежи всегда привлекательна возможность высказаться по злободневным вопросам, поспорить с товарищами и учителями. Испытания зрелости активизировали самосознание абитуриентов.

Комплект из 50 сочинений на тему «Значение идеалов в жизни человека», выполненных на испытаниях зрелости в Орловской гимназии в 1908 г., выявлен нами в личных делах абитуриентов, хранящихся в архивном фонде гимназии [12]. Из них 32 сочинения выпускников гимназии, 18 экстернов. Формулировки темы и планы сочинений, казалось, не предполагали обращения к историческим иллюстрациям. Однако авторы пяти сочинений объясняли расхождение идеалов с жизненными реалиями исторической обусловленностью возникновения и бытования идеалов, приводили сведения об исторических деятелях, событиях и периодах прошлого, а также теориях, понятиях и приемах мышления. По нашему мнению, использование абитуриентами аргументации исторического содержания для доказательства основной темы сочинения является проявлением обыденного стиля исторического мышления. Рассмотрим подробнее обстоятельства написания и содержание этих сочинений.

Согласно Правилам об испытаниях тема русского сочинения должна быть такой, «чтобы предмет темы не мог не быть по силам ученикам и чтобы ученики могли иметь о нем собственное суждение. Тема должна быть выражена точно и определенно, так чтобы внимание учеников могло тотчас же направиться на определенный круг мыслей и данных» [8, § 58]. Тема сочинения «Значение идеалов в жизни человека» выглядит слишком обширной и противоречащей наставлениям Правил об испытаниях. Но она была утверждена директором гимназии О. А. Петрученко по представлению учителя словесности в VIII классе С. И. Горового, следовательно, учитель строил подготовку к испытаниям зрелости так, что директор был уверен в успешном выполнении сочинения абитуриентами.

Проблема идеалов, их роли в частной и общественной жизни волновала учителей и учеников гимназий. Она имела традиции осмысления, поднималась в периодических изданиях, театрах, рефератах и публичных лекциях, в общем, была «на слуху». Абитуриент мог легко оживить в памяти примеры из литературы, общественной мысли и преподавания словесности.

17 марта 1908 г. отмечалось 100-летие Орловской гимназии. Педагогическая корпорация ожидала в связи с юбилеем награждений, повышения в чинах и прибавки жалованья, поэтому была более обычного заинтересована в лояльности и успешных результатах своих учеников. Директор предпринимал энергичные меры, чтобы добиться присвоения гимназии почетного наименования «императорской».

Однако гимназию начиная с 1899 г. сотрясала полоса скандалов, прозвучавших на всю Россию [13; 14]. В 1905–1907 гг. в орловских средних учебных заведениях происходили волнения, некоторые ученики и учителя были членами политических организаций. В марте 1907 г. в губернских газетах прошли публикации о местных учащих-«огарках», участниках тайных обществ аморального характера, последователях героев романа С. Г. Скитальца (Петрова) «Огарки» (1906 г.). Взаимные нападки и громкие разоблачения газет получили всероссийский отклик. Современники, а впоследствии исследователи (одни утверждали, другие отрицали), что среди гимназистов были распространены «упаднические» настроения и пьянство [15].

Для учителя словесности Горового, переведенного в гимназию в 1905 г., это был первый выпуск. Он был заинтересован завоевывать авторитет в глазах начальства успехами своих учеников. Поэтому тема сочинения должна была соответствовать переживаемым событиям и не стать для абитуриентов неожиданностью на испытаниях зрелости. Возможно, Горовой исподволь готовил своих учеников к сочинению

на тему, связанную с героями И. С. Тургенева. Столетие гимназии совпадало с 90-летием со дня рождения и 25-летием со дня смерти Тургенева, родившегося в Орле, и на торжественном акте в честь юбилея гимназии Горовой зачитал доклад «Тургенев – художник-историк и воспитатель русского общества». Содержание доклада установить не удалось, но сохранился текст приветственной речи директора гимназии, который дважды употребил понятие идеал: «Наши гимназии есть продукт нашей исторической жизни <...> идеальная гимназия, каких, к слову сказать, нет нигде на всем земном шаре, погибла бы безвозвратно в среде, не соответствующей идеалу» [16, л. 84].

Выпускники 1908 г. были удостоены десяти медалей – двух золотых и восьми серебряных – наибольшего количества за всю историю гимназии. Едва ли это случайное совпадение со столетним ее юбилеем. Абитуриенты заявили о намерении продолжить обучение на историко-филологическом (5 человек), физико-математическом (10), юридическом (11), медицинском (13) факультетах и в специальных высших учебных заведениях (4) Московского учебного округа, а также Петербургского (5) и Одесского (1) округов.

Логично ожидать, что содержание выпускных сочинений, написанных всего через полтора месяца после юбилея гимназии, находится с указанными событиями в явном или скрытом диалоге.

Итак, перед нами подлинники (черновики и беловики) пяти сочинений, с пометами, отзывами и оценками преподавателей, указанием времени выполнения работ. Примечательно, что все пять абитуриентов, использовавшие в сочинениях историческую аргументацию, собирались продолжить образование на историко-филологических факультетах. Сочинения абитуриентов 1908 г., в отличие от исторических рефератов гимназистов середины XIX в. и воспоминаний, написанных учениками русских школ в эмиграции, изучавшихся соответственно Маловичко и Сальниковой, представляют собой учебные работы логико-доказательного характера, выполненные по установленной форме. В начале работы изложен план, в конце – поверхностный вывод. Все планы состоят из трех неравных частей: введения, основной части, заключения. Планы и тексты всех сочинений начинаются с определений понятия «идеал», которое доказывалось сходством или отличием примеров.

Основное место в рассматриваемых сочинениях отведено социальной и нравственной проблематике бытования идеалов. Все авторы солидарны с тем, что идеалы и действительность не совпадают, за их реализацию необходимо бороться. Суждения по другим затронутым вопросам различаются. Чтобы доказать свои мнения, авторы приводили разные примеры, но

повторяли общие понятия, имена, события. Поэтому возможно подокументным описанием установить сходства и отличия речевых практик и зафиксировать в них особенности осуществления авторами интеллектуальных операций.

Аргументация исторического содержания и сведения из области художественной литературы имели вспомогательное значение в содержании сочинений. Самое большое по объему и самое разнообразное по содержанию сочинение написал Л. Александров. Он был единственным, кто использовал все отведенные для работы над сочинением «пять часов сряду», остальные справились значительно быстрее. Александров собирался продолжить образование на философском факультете Берлинского университета, был знаком с историко-философской терминологией и проблематикой. В начале сочинения указана цель, которая, похоже, повлияла на других абитуриентов, – сопоставить «две основные колеи человеческого мышления», идеализм и материализм, их отношение к идеалам, чтобы показать: «Что двигает мир? Самодовлеющая ли личность индивидуума или неизвестные нам темные силы, которые мы называем исторической необходимостью?» [17, л. 53].

Александров имел познания в философской логике, заявил «индуктивный путь» выполнения задания, но критерием выбора автора и литературного произведения избрал приоритет в истории литературы: «Сервантес чуть ли не первый в западной литературе мастерски обрисовал ту поистине драматическую коллизию, которая неизбежна между идеалами и все нивелирующей действительностью, вместе с тем Сервантес первый доказал всю силу, значение и красоту идеала для человеческой личности» [там же, л. 58].

Серебряный медалист А. Овсянников, самый старший из пяти абитуриентов, родился в 1888 г. (остальные в 1889–1890 гг.), был единственным, кто указал, что идеалы «строятся человеком под влиянием столкновения его психологии с окружающей жизнью» [18, л. 35], а не в их исторической природе или изменчивости.

Самое приземленное объяснение природы идеалов дал серебряный медалист Т. Марковский: «Это представление [о жизни, которой человек хотел бы и которая должна была бы быть] и будет называться идеалом данного человека, независимо от того, каковы стремления человека. Но *L'appetit vient en mangeant*¹, говорят французы. По мере удовлетворения одних потребностей возникают другие, не находящие себе удовлетворения в действительности, появляются новые идеалы и так без конца» [19, л. 1]. Также беззаботно Марковский поставил в один исто-

рический ряд имена хрестоматийно известных деятелей европейского средневековья Я. Гуса и Г. Галилея с образом неназванных героев российской истории: «Благодаря этой вере [в свой идеал] мы видим целый ряд мучеников и борцов идеи, какими были в Средние века такие люди, как Ян Гус, Галилей, каких много в недавнем прошлом и даже настоящем России» [там же, л. 2].

В противоположность Марковскому С. Мешковский, сын служителя евангелистско-реформаторской церкви, аргументировал историческую изменчивость идеалов: «Разные люди и в разное время совершенно различно понимали это слово [идеал]. В разное время бывают и разные идеалы. Справедлива пословица: каковы люди, таковы и веки [испр. на полях: “Такой пословицы не существует. Есть подобная: “Каковы веки, таковы и человеки”]. В Древней Греции спартанцы, например, считали своим идеалом быть физически сильными гражданами своего отечества» [20, л. 87]. Мешковский не принимал утилитарное понимание идеалов: «Для образованного человека идеал – это догмат, основа внутренней его жизни. <...> И вот догмат, идеал дает возможность всякому человеку, относясь ко всему критически, совершенствоваться как себя, так и своего брата!» [там же, л. 93].

Н. Глаголев, объясняя природу идеалов, также провел аналогии с Грецией и Римом: «Главным же образом по пути к прогрессу эти древние государства двигали идеалы – желание более лучшего политического и общественного положения. <...> В них за прогрессом наступает время сильного упадка, который был следствием чрезмерного увлечения недостижимыми в данное время идеалами» [21, л. 23]. Как видим, Глаголев использовал упрощенную трактовку популярной в начале XX в. теории прогресса для подтверждения исторической изменчивости идеалов и идеалистического понимания хода исторического развития. Так, при помощи случайных взятых наугад исторических примеров абитуриенты аргументировали происхождение и изменчивость идеалов.

Более обстоятельно абитуриенты высказались об эпохе 30–40-х гг. XIX в. в России. Александров выделил этот период в плане сочинения «Русская интеллигенция в дореволюционную эпоху»: «Я обращаюсь к интеллигенции и литературе 30–40-х гг. Здесь неминуемо возникает вопрос: с какой стати наши богатые дворяне шли сами против себя, против своих интересов? Зачем они проповедовали отмену крепостного права? Вот здесь-то наиболее становится ясно для нас значение идеала, так как интеллигенция 30–40-х гг. только во имя нравственного идеала шла против своих идеалов» [17, л. 60].

В рамках учебного сочинения абитуриента вполне допустима иллюстрация философской проблематики историко-литературными примерами. Поэтому

¹Аппетит приходит во время еды (фр.).

Александрову не потребовалось дополнительных аргументов, чтобы, опираясь на примеры героев Сервантеса, выстроить ряд литературных образов из произведений разных стран и эпох, чтобы «безусловно, согласиться с [С. А.] Андреевским², который утверждает, что “дореформенная наша литература была порождением идеалов, а не интересов”» [там же]. Таким образом, в сочинении Александрова эпоха 30–40-х гг. XIX в. и отмена крепостного права представлены крупнейшим событием обозримого исторического прошлого.

Этот исторический период и его представители стали единственным примером, приведенным в обоснование значения идеалов в сочинении Овсянникова: «Вспомним людей 40-х гг., – этих великих мучеников России: Герцена, Белинского, Станкевича, Грановского, лучших славянофилов... Сколько им пришлось перенести, выстрадать в этой борьбе за свои идеалы, столь высокие, чистые и так резко расходящиеся с окружающей их тогда пошлостью, мещанскою действительностью! И как ярко были для них их идеалы! Как высоко они их ценили, как они были дороги для них! Об этом красноречиво говорят все их бурные беседы и споры, их горячие письма... Об этом говорит весь пыл и эрудиция той эпохи – эпохи сороковых годов» [18, л. 35, 39]. Обилие прилагательных и неискренний пафос ретушируют недостаток фактического знакомства Овсянникова с характеризуемой эпохой. Несмотря на это, приведенные им суждения представляют собой наивные исторические иллюстрации, допустимые для обыденного исторического мышления.

Мешковский также нашел возможность упомянуть героев романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева: «Если мы теперь обратимся к литературе, то увидим то значение, которое имеют идеалы в жизни человека. Базаров такой, например, хотя он и нигилист, однако и он имеет свои идеалы. Занятие физическими, вообще точными науками, это его идеал! Трудовая жизнь – это его лозунг! “Долой романтику!” – говорит он» [20, л. 88].

В последнем абзаце сочинения абитуриента-медалиста Марковского отчетливо видны свойственные школьным работам заимствования суждений, включения символических понятий, которые повторялись по несколько раз в большинстве сочинений абитуриентов 1908 г. Он высказал неожиданное никак не вытекавшее из предыдущего изложения утверждение о сходствах идеализма и материализма, на котором

строилось все обширное сочинение Александрова. А также выстроил в логический ряд лексические конструкции, образуемые словосочетаниями «жизненная борьба», двигаться «по пути прогресса», «идеал истины, добра и красоты».

Примечательно, что и в краткой речи на торжественном акте директор дважды упомянул понятие «прогресс». Петрученко призывал к «разумному прогрессу» в условиях, когда «просвещение прогрессирует гигантскими шагами» [16, л. 85]. В 1909 г. размышляя о религиозной природе русской интеллигенции в знаменитой статье в сборнике «Вехи», С. Н. Булгаков искал ответы, «отчего так случилось, что наша интеллигенция усвоила себе с такой легкостью именно догматы просветительства» и обрела «веру в прогресс» [22, с. 54]. Сочинения абитуриентов Орловской гимназии 1908 г. указывают на то, что одним из интеллектуальных истоков упрощенного и механистического мировоззрения было поверхностное использование исторической аргументации при самоопределении в важнейших мировоззренческих вопросах.

Таким образом, в сочинениях абитуриентов на отвлеченную тему выявлен массив сведений исторического характера в виде фрагментов информации, понятий, способов мыслительной деятельности. Историческая конкретика занимала в сочинениях маргинальное место. Для авторов важнее были историко-социологические приемы мышления, такие как исторические аналогии, сравнения и иллюстрации, выяснение исторических условий возникновения и изменения идеалов. Отделить в текстах рациональное поведение, направленное на получение желательной оценки, от прочно усвоенной риторики и спонтанных интеллектуальных практик авторов позволяет подкомментный микроанализ. Одна часть этих сведений является наивными утверждениями, другая – спекулятивными, отдельные имели характер актуальной научной информации. В сгруппированном или систематизированном виде сведения исторического характера представляют собой образы общественного исторического сознания.

В учебных работах на отвлеченную тему, не предполагавших обязательного привлечения аргументов исторического характера, значение этих сведений меняется. Абитуриенты обращались к историческим аргументам для того, чтобы облегчить себе доказательство иных феноменов, т. е. осуществляли интеллектуальные операции, привычные способы мыслительной и речевой деятельности. Такое использование исторической аргументации, сочетавшей в себе компоненты иррационального, спекулятивного и научного мышления, являлось проявлениями *обыденного стиля исторического мышления*. Целостные комплексы сочинений реально существовавшей ми-

² Андреевский Сергей Аркадьевич (1847–1918) – один из наиболее ярких литературных критиков конца XIX – начала XX в., известный юрист. Сочетал литературный анализ творчества писателей с исследованием «мира идей» и их общественных идеалов. Оценивая литературный факт как явление эстетическое, видел в нем отражение действительности.

крупнейшие группы абитуриентов позволяют выявить коммуникации учеников между собой, со своими учителями, частными лицами и печатными изданиями, что расширяет возможности изучения индивидуального поведения общественного исторического сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Репина Л. П.* Историческая культура как предмет исследования / Л. П. Репина // История и память : историческая культура Европы до начала нового времени / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2006. – С. 5–18.
2. *Маловичко С. И.* К проблеме перехода от традиционной темпоральности к линейной : историческое сочинение гимназиста-горца / С. И. Маловичко // Диалог со временем : мировидение человека в переходные эпохи. – Самара : СНЦ РАН, 2012. – С. 40–59.
3. *Маловичко С. И.* Выпускное сочинение гимназиста середины XIX в. как феномен историописания / С. И. Маловичко // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева : сб. ст. : в 2 т. / отв. ред.: Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцев. – М. : РГГУ, 2013. – Т. 2. – С. 396–418.
4. *Лубский А. В.* Мышление историческое / А. В. Лубский // Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. – М. : Аквилон, 2014. – С. 311–313.
5. *Медушевская О. М.* Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М. : РГГУ, 2008. – 358 с.
6. *Сальникова А. А.* Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917–1920 гг. / А. А. Сальникова // Социальная история. Ежегодник 2001/2002. – М. : РОССПЭН, 2003. – С. 324–352.
7. *Нарский И. В.* Взрослые ожидания в детских воспоминаниях : представления детей русской эмиграции о будущем России в школьных сочинениях 1924 г. / И. В. Нарский // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – № 3. – С. 3–17.
8. Правила об испытаниях учеников гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения : утверждены министром народного просвещения 12 марта 1891 г. – СПб., 1891.
9. Отчет о письменных испытаниях зрелости, произведенных в 1887–1895 годах в гимназиях Московского учебного округа : в 9 т. – М., 1888–1898.
10. *Истрин В. М.* По поводу отчетов о письменных работах на испытание зрелости / В. М. Истрин // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XIII. – 1908. – Отд. IV. – Февраль.
11. *Бобкова М. С.* Стратегии изучения социокультурных кодов исторического источника / М. С. Бобкова // Люди и тексты. Исторический альманах. – М. : ИНИ РАН, 2012. – С. 8.
12. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). – Ф. 64 (Орловская мужская гимназия).
13. *Еремин А. И.* «Шантаж, небывалый в России» : казус на испытаниях зрелости в Орловской мужской гимназии (1899 г.) / А. И. Еремин // Новый исторический вестник. – 2012. – № 1 (31). – С. 15–33.
14. *Еремин А. И.* «Если указанное зло действительно неискоренимо...» : спор на педагогическом совете Орловской мужской гимназии о списывании на испытаниях зрелости (1903 г.) / А. И. Еремин // Новый исторический вестник. – 2014. – № 4 (42). – С. 10–30.
15. *Ватник Н. С.* «Огарки» : мифы и реалии гимназической среды 1907–1908 гг. / Н. С. Ватник // Российская история. – 2010. – № 6. – С. 97–105.
16. ГАОО. – Ф. 64. – Оп. 2. – Д. 658. – Л. 84–85.
17. ГАОО. – Ф. 64. – Оп. 2. – Д. 23. – Л. 53–60.
18. ГАОО. – Ф. 64. – Оп. 2. – Д. 904. – Л. 35–39.
19. ГАОО. – Ф. 64. – Оп. 2. – Д. 709. – Л. 1–6.
20. ГАОО. – Ф. 64. – Оп. 2. – Д. 1737. – Л. 87–93.
21. ГАОО. – Ф. 64. – Оп. 2. – Д. 248. – Л. 22–26.
22. *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество / С. Н. Булгаков // Вехи; Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 462 с.

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Еремин А. И., кандидат исторических наук, педагог дополнительного образования

E-mail: eremin_a62@mail.ru

Tel.: 8-960-656-55-54

Orel State University named after I. S. Turgenev
Eremin A. I., Candidate of Historical Sciences, Teacher of Additional Education

E-mail: eremin_a62@mail.ru

Tel.: 8-960-656-55-54